

Цзянь Сунъи на автомате залез на заднее сиденье. Бо Хуай же — бог весть почему — устроился впереди, на пассажирском.

Разглядывая влажные, слегка слипшиеся пряди на затылке Бо Хуая, Сунъи наконец немного расслабился. Он лениво развалился на кожаном сиденье, достал телефон и заглянул в групповой чат во флудилке с говорящим названием «Два Альфы и Омега».

Лу Цифэн: [Бо Хуай реально вернулся?]

Цзянь Сунъи: [Ага]

Чжоу Сяоло: [Брат Сун, живо дуй на форум Ичжун!]

Цзянь Сунъи: [Мне делать, по-твоему, нечего?]

Лу Цифэн: [Там из-за него весь форум на уши поднялся]

Чжоу Сяоло: [Серьёзно, брат Сун! Наша школа пока помалкивает, а вот в Ичжуне настоящий взрыв. Похоже, у этого новенького босса богатое историческое наследие]

Цзянь Сунъи: [Вы, гуманитарии, всегда так выражаетесь?]

Проворчав для приличия, Цзянь Сунъи всё же свернул чат и открыл в браузере форум Ичжун.

И там действительно творилось нечто невообразимое. Из двух десятков тредов на первой странице в десяти красовалось имя «Бо Хуай», а ещё в пяти фигурировало уважительное «крутой босс».

Самой популярной оказалась тема с пафосным заголовком: «Тот самый парень. Он вернулся».

Сунъи тапнул по ссылке. В заглавном посте висело фото Бо Хуая у ворот их школы.

Парень стоял под зонтом посреди стены дождя. Безупречно выглаженная белая рубашка выгодно подчеркивала идеальную фигуру Альфы — широкие плечи и узкую талию. Ноги казались бесконечными, а из-под подвернутых брюк виднелись тонкие, но сильные щиколотки с четко очерченной косточкой.

Он стал выше, взрослее и представительнее, чем в свои четырнадцать. Неизменной осталась лишь крошечная родинка под левым глазом.

Подпись под снимком гласила: «Спустя три года этот парень вернулся в Наньчэн. И он стал

ещё безупречнее».

[Мой бог вернулся! Я снова в деле!]

[Самый крутой Альфа Наньчэна наконец-то дома! Моя безответная любовь спасена от трагического финала!]

[Да как он это делает?! Почему он стал ещё красивее?! Мои глаза только что совершили грехопадение]

[Да ладно вам, народ. Ну вернулся Бо Хуай, вам-то что с того?]

[Похоже, в этом году квоты на поступление в Бэйчэнский университет и Университет Хуацин сократились ещё на одно место. Пойду зубрить. Всем пока]

[И я]

[А-а-а! Почему мой кумир ушёл в Наньвай?! Если я сейчас переведусь, ещё не поздно?!]

«А почему Бо Хуай не вернулся в Ичжун?»

На этом вопросе оживленная дискуссия в несколько сотен сообщений резко оборвалась. Словно все наткнулись на негласное табу.

Сунъи вышел из темы и презрительно хмыкнул. Надо же, ту старую историю до сих пор никто не забыл. Да и вообще, стоило ли так убиваться? Когда Бо Хуай уезжал, он был всего лишь четырнадцатилетним сопляком. С чего вдруг столько шума вокруг его персоны? Пишут всякую чушь с закрытыми глазами. «Самый доминантный Альфа Наньчэна», надо же. Ха.

Как будто в нём есть хоть капля той истинной крутизны, что есть во мне.

При этой мысли Цзянь Сунъи не выдержал, снова открыл злополучный тред и три секунды вглядывался в снимок.

«М-да, до меня ему точно далеко. У здешних обитателей, как и у Чжоу Ло, со вкусом явные проблемы».

Разглядывая фото, он вдруг нахмурился. Постойте-ка, у него же был с собой зонт! Наверняка какой-то пронирливый ублюдок утащил его прямо из-под носа, из-за чего Сунъи сегодня

выставили коротышкой.

От этой мысли молодой господин Цзянь недовольно поджал губы.

Бо Хуай бросил быстрый взгляд в зеркало заднего вида, а затем отвернулся к окну.

Свинцовые тучи тяжело нависли над городом. Небо потемнело, и крупные капли дождя с силой барабанили по крышам и мостовой, окрашивая улицы в глубокие, мрачные тона. Наньчэн утопал в серой, туманной дымке — суетливый, шумный и до боли знакомый. Всё было точно таким же, как в его воспоминаниях.

Семьи Цзянь и Бо дружили поколениями. Ещё их прадеды вместе воевали в одном окопе, деля тяготы службы.

Позже дедушек Цзянь Сунъи и Бо Хуая вместе распределили в Наньчэн. Они перевезли свои семьи с севера и обосновались по соседству.

Со временем старый глава семейства Цзянь погиб при исполнении, их казенный дом вернули государству, а отец Цзянь Сунъи решил податься в бизнес. Отец же Бо Хуая, напротив, вернулся в Бэйчэн, где под крылом бабушки Бо и благодаря семейным связям быстро пошёл в гору по государственной линии.

Казалось бы, дороги двух семей должны были разойтись, но младшая сестра отца Бо Хуая неожиданно решила заняться бизнесом вместе с отцом Цзянь Сунъи. Вдвоем они быстро подмяли под себя рынок недвижимости и розничной торговли в Наньчэне. К тому же бабушка Бо оказался человеком консервативным и преданным старым местам: он несколько раз отказывался от перевода в Бэйчэн с повышением. В итоге обе семьи решили не усложнять себе жизнь и просто купили участки по соседству.

Так в самом центре элитного района особняков появились два европейских коттеджа. Скрытые в тени раскидистых платанов, они стояли друг напротив друга, разделенные лишь узкой лиственной аллеей и парой ухоженных лужаек. Из окон одного дома можно было легко разглядеть, что происходит в комнатах другого.

Цзянь Сунъи и Бо Хуай буквально росли вместе с пелёнок.

Правда, методы воспитания в семьях различались. Цзяни души не чаяли в сыне, поэтому с начальной школы и до старших классов выбирали для него только лучшие частные заведения, оберегая маленького избалованного господина от любых невзгод. Отец же Бо Хуая дорожил репутацией честного чиновника, поэтому отправил сына в обычную государственную школу. В девятом классе Бо Хуай и вовсе переехал в Бэйчэн, так что по-настоящему помериться силами

им доводилось нечасто.

Цзянь Сунъи порой думал: будь Бо Хуай девчонкой, из них вышла бы классическая парочка заклятых друзей детства, о которых слагают романтические легенды.

Но, увы, Бо Хуай был парнем. Да и характер у него... Тьфу.

Проводив взглядом сорванные ветром и прибитые к мокрому асфальту листья платанов, Сунъи со вздохом сожаления толкнул дверцу и вышел из машины.

После переезда Бо Хуай с отцом почти не навещали в Наньчэн. Разве что на Новый год дедушка Бо сам уезжал к ним в Бэйчэн. Так что за последние три года Цзянь Сунъи проводил со стариком куда больше времени, чем его собственный внук.

В доме Бо Сунъи чувствовал себя как дома. За обедом он без умолку трещал, напоминая дедушке, какие блюда ему вредны при гипертонии, а после еды лично проследил, чтобы тот принял лекарства. На его фоне Бо Хуай, законный наследник семейства, выглядел чуть ли не случайным гостем.

Впрочем, кровь — не водица. Дедушка Бо тепло сжал ладонь Сунъи и заговорил о внуке:

— Сяо И, дедушка знает, что ты у нас отличник. Сяо Хуая ведь перевели в твой класс. Пожалуйста, присматривай за ним по мере сил, а то я боюсь, как бы он не отстал от программы.

Сунъи покосился на сидевшего на противоположном диване Бо Хуая. Вот он, идеальный шанс отыгаться за утреннее поражение в росте!

Улыбнувшись, он бодро кивнул:

— Без проблем, дедушка, обо всём позабочусь! Только вы же знаете мой характер — терпением я не отличаюсь. Боюсь, если Сяо Хуай окажется непонятливым, я могу вспылить, и мы разругаемся. Вы уж тогда не сердитесь на меня.

С этими словами он лукаво прищурил свои выразительные, изогнутые на манер лепестков персика глаза, бросив на Бо Хуая вызывающий взгляд. Вся его поза буквально кричала о превосходстве.

На самом деле он вовсе не собирался никого учить. Да и этот гордец Бо Хуай, вечно строящий из себя павлина, ни за что не согласился бы на его репетиторство. Сунъи просто хотел немного поддеть соперника.

К его удивлению, Бо Хуай лишь лениво приподнял веки и бросил короткое:

— Заниматься будем у тебя или у меня?

— Что?.. — растерялся Суньи.

Как это вообще понимать?!

Спустя полчаса Цзянь Суньи обнаружил себя сидящим за письменным столом в спальне Бо Хуая. Их локти разделяла лишь раскрытая тетрадь.

Суньи тупо уставился в окно, за которым на балконе его собственного дома виднелся раскидистый куст кедра.

Он погрузился в тягостное молчание.

У кого из них двоих не все дома? У него самого или у Бо Хуая? С какой стати они действительно уселись за учебу? С каких пор их отношения стали настолько теплыми и дружескими?

Цзянь Суньи замер, не зная, что делать.

Прямо перед его лицом возникла ладонь — тонкие пальцы с четко очерченными суставами, сквозь бледную кожу просвечивали синеватые вены. Парень слегка согнул указательный палец и постучал костяшкой по столу:

— Эй, очнись.

От этого движения до Суньи донесся едва уловимый аромат. Он нахмурился:

— Бо Хуай, не знал, что ты такой скрытный пижон. Ты что, душишь запястья духами?

Бо Хуай окинул его косым взглядом:

— И какая же из твоих ноздрей привиделся этот запах?

Суньи ответил со всей серьезностью:

— Откуда мне знать? Мои ноздри расположены так близко друг к другу, что отчетов мне не присылают.

Наступила тишина. Бо Хуай повернул голову и посмотрел на него как на законченного идиота.

Глаза у него были узкими, а радужка — необычайно светлой. Сейчас парень был без очков, и его расфокусированный, сонный взгляд невольно казался пренебрежительным и высокомерным. Дразня одноклассника, Бо Хуай приподнял запястье к его лицу:

— Ну так что, хочешь проверить ещё раз?

— А давай, — легко согласился Суньи.

Бо Хуай лишился дара речи.

Суньи бесцеремонно перехватил чужую руку и, склонив голову, дважды потянул носом воздух у самого запястья. Закончив процедуру, он недоуменно изогнул бровь:

— Странно. Исчез.

Горячее, по-юношески порывистое дыхание скользнуло по прохладной коже запястья, заставив Бо Хуая ощутить едва заметное, покалывающее тепло. Он спокойно, но твердо вырвал руку:

— Потому что я ничем не душился.

— Да быть не может, я точно уловил запах! — Молодой господин Цзянь почувствовал себя несправедливо обвиненным в обмане. — У меня нюх как у ищейки. Стоит твоему дедушке тайком заказать ночной фастфуд, я его прямо из своего дома вычисляю. Ошибки быть не может. Дай-ка я еще раз проверю!

С этими словами он бесцеремонно положил левую руку на спинку стула Бо Хуая, потянулся всем телом вперед и склонился к его затылку.

Логика Суньи была проста: если духами брызгают запястья, то и на сонную артерию наверняка что-то попало.

Однако стоило кончикам его челки едва задеть шею одноклассника, как стул под его ладонью резко сдвинулся назад.

Бо Хуай рывком поднялся на ноги, уклоняясь от близости. Он смерил застывшего парня холодным взглядом, в его голосе проскользнуло тщательно скрываемое раздражение:

— Цзянь Сунъи, у тебя вообще есть хоть капля здравого смысла?

Сунъи опешил. Осознав, что ему только что грубо указали на дверь, он тут же вскипел:

— Я просто хотел узнать, пользуешься ли ты парфюмом! При чём тут здравый смысл? Мы оба парни, чёрт возьми! Ты что, блин, засмутился?

Вместо ответа Бо Хуай с сухим стуком захлопнул рабочую тетрадь. Его голос звучал преувеличенно ровно:

— Я закончил решать последнюю задачу. Можешь идти домой.

«Этот придурок ещё и выставляет меня!»

Сунъи злобно усмехнулся. Не говоря ни слова, он резко поднялся. От яростного движения стул с противным, режущим слух скрежетом отлетел назад по деревянному паркету.

— Да больно надо было!

С этими словами он тяжело зашагал к выходу. Спустя мгновение внизу с грохотом захлопнулась входная дверь.

Цзянь Сунъи славился своим взрывным темпераментом, но в присутствии старших обычно держал себя в руках. Раз уж он ушёл вот так, значит, Бо Хуай действительно выбесил его не на шутку.

Бо Хуай посмотрел в окно. В доме напротив быстро зажегся теплый оранжевый свет. Парень отложил тетрадь, устало потер переносицу, взял со стола телефон и открыл закрепленный диалог.

Родись они в древности, Цзянь Сунъи наверняка стал бы капризным сыном богатого купца, а Бо Хуай — высокомерным наследником первого министра. Гордости и упрямства обоим было не занимать.

Однако у Сунъи имелось одно неоспоримое качество — он никогда не пасовал перед авторитетами. По его мнению, Бо Хуай просто строил из себя невесть что, и бояться его не стоило. Поэтому уступать и сдерживать свой характер молодой господин Цзянь не собирался.

Самое забавное, что с самого детства Бо Хуай то ли из лени, то ли по какой-то иной причине постоянно потакал его капризам. И в итоге сам же вырастил эгоиста, не способного вынести даже малейшей обиды.

К счастью, обиды Сунъи улетучивались так же быстро, как и возникали. Стоило ему принять горячий душ, как от недавнего раздражения не осталось и следа.

Одной рукой он лениво ерошил полотенцем влажные волосы, а другой достал смартфон. Нужно было извиниться перед дедушкой Бо — уйти, не попрощавшись и не пожелав спокойной ночи пожилому человеку, было верхом невоспитанности.

На экране блокировки висело уведомление от WeChat. Возле знакомой аватарки — сплошного белого фона — горел красный кружок. Никнейм отправителя состоял из единственной буквы: «В».

Предыдущим сообщением в их диалоге была дежурная новогодняя открытка, которую Сунъи отправил исключительно под давлением матери.

Новое сообщение гласило:

[Впредь не смей обнюхивать чужие железы]

Тяжелая капля воды сорвалась со влажной челки и с тихим шлепком упала прямо на стеклянный экран смартфона.

Цзянь Сунъи довольно усмехнулся. Надо же, а парень действительно смутился!

Что ж, сам виноват. Из-за того, что он вечно прогуливал уроки физиологии и до сих пор не прошел дифференциацию, он оказался слишком толстокожим и нарушил личные границы. Обида молодого господина Бо была вполне объяснима. Свою вину нужно было как-то загладить.

Его пальцы быстро пробежали по клавиатуре:

[А запах-то приятный. Так что будь увереннее]

Пусть Бо Хуай и отпирался, Сунъи был абсолютно уверен в своей правоте. Этот аромат — чистый, прохладный, напоминающий Сосновый бор после снегопада — определенно заслуживал комплимента.

Более того, в ту секунду, когда он вдохнул его, его охватило странное, необъяснимое умиротворение. Ошибиться он никак не мог. Этот тихушник точно надушился.

Получив ответ, Бо Хуай посмотрел на окно коттеджа напротив, за шторами которого метался смутный силуэт, и слегка прищурился.

Кому-то явно не помешало бы преподать хороший урок.

Впрочем... раз уж он начал различать запах феромонов, значит, период дифференциации не за горами.

<http://bllate.org/book/20583/2106353>